

Часть первая

Глава 1

Матвей Абрамов взглянул на дно стакана и разочарованно вздохнул — виски опять кончился. Остался только лед.

— Братан, плесни мне еще, — бросил он бармену. Парень взялся за бутылку, но был остановлен клиентом: — Не, отбой. Дай пузырь. И не этот, а запечатанный.

— Полулитровая бутылка стоит пять тысяч рублей, — предупредил тот.

— Знаю я, — буркнул Абрамов.

Он частенько бывал в этом клубе в позапрошлом году (с тех пор персонал сменился и его никто не узнал) и употреблял напитки не за пять тысяч, а за двадцать. Те тоже были контрафактными, но хорошего качества. А то, что сейчас ему предлагают, дешевая подделка, но хотя бы неразбавленная, как та, что наливается барменом из початой бутылки.

— Вам стакан поменять? — поинтересовался тот.

— Да. И лед отдельно.

— Может, хотите чем-то закусить?

— Этого хватит. — Абрамов указал на тарелку с бесплатными орешками.

Налив себе виски и добавив в него пару кубиков льда, Матвей встал и подошел к галерее. Клуб под

названием «Хрусталь» занимал двухэтажный особняк конца девятнадцатого века. Внизу танцпол, стойка диджея с гигантским экраном, самый большой бар и россыпь столиков-конопушек, за которыми лишь постоять можно. Наверху VIP-ложи, диванные зоны попроще, барные стойки и огромная люстра из хрусталя. Она, как сталактит, свисала с потолка и доходила до первого этажа. Если бы диджей встал на свою стойку, то смог бы дотянуться до ее нижнего яруса.

Поставив стакан на широкие перила галереи, Матвей принялся рассматривать публику. Разношерстная, сделал вывод он. Тут и мажоры, и папики, и соски, и бизнес-леди, и проститутки разных полов и цветов кожи. Среди последних особенно выделялись пареньки из Африки, призывно дергавшие пахом в танце. Мода на экзотику давно прошла, но ее ценители остались. Абрамов к ним не относился, но в двадцать с небольшим переспал с черной как ночь девушкой из Эфиопии. Он пришел в восторг от ее гигантских ягодиц. Специфический запах не отвратил, а показался пикантным. Спутанные в дреды волосы разве что не понравились, но тоже не критично. Однако он больше не спал с темнокожими. С азиаткой, да, попробовал. Но все это для галочки. Как и секс втроем. Он тоже был у Абрамова...

Впрочем, чего только у него не было!

— Привет, красавчик, — услышал он над ухом и обернулся. Смазливый транс двухметрового роста (и это без каблуков) игриво улыбался Матвею. — Не угостишь даму бухлишком?

— Отвали.

— Фу, как грубо!

— Дениска, я дважды повторять не буду.

— Я Даная!

— Мне только не рассказывай, — хмуро проговорил Матвей и сделал большой глоток виски.

С Денисом они когда-то вместе играли в волейбол. Оба были КМС по этому виду спорта. На долгое время они потеряли друг друга из виду, пока не встретились в «Хрустале» полтора года назад. Матвей в клубе ошивался каждую неделю, а Денис только стал выходить в свет. Уже тогда он называл себя Данаей, но гормоны лишь начал принимать и еще не сделал грудь. Когда Абрамов узнал его, то врезал. Денис ответил. Подрались...

Из клуба обоих вывели под белы ручки. За его пределами давние знакомцы еще немного потолкались, после чего распили примирительный пузырь в какой-то подвальной «рыгаловке» и разошлись. После этого если пересекались, то только друг другу кивали.

...И вот сегодня Дениска надумал подойти к Матвею. Зачем? Точно не потому, что решил выпить на халяву. Даная была звездой травести-шоу и могла позволить себе любой напиток.

Будь Абрамов в благодушном настроении, он вступил бы в диалог, но оно оставалось паршивым даже после трех порций виски. И что-то подсказывало — еще пол-литра никак на него не повлияет. Отсюда вопрос: зачем пить? Но как еще справиться с собой, если этого не делать?

Матвей не знал.

Он год сидел на таблетках. Нет, это были не запрещенные препараты, просто сильные обезболивающие.

И его организм к ним привык, стал требовать большей дозы. От нее менялось поведение, мутилось сознание. Абрамов некоторое время тешил себя мыслями о том, что в любое время сможет завязать. Накупил китайских травок, но увы... Ни они, ни сеансы иглоукальвания не помогли. Как психо- и гипнотерапия. Абрамов продолжал закидываться таблетками, а после мучиться угрызениями совести. Так бы и продолжал делать это, если бы не отравился. По рецепту ему уже не продавали, купил у барыги, оказалось, поддельные. Три дня в коме пролежал, но оклемался. И завязал. Одно плохо — стал больше пить. И чаще. Уже не по праздникам и после баньки. Каждый день перед сном две-три стопки водки на грудь принимал вместо снотворного. А раз в неделю устраивал попойку. Любил в компании побухать, но если не находил ее, то заваливался в какое-нибудь заведение, где ты пусть не с кем-то, но и не один. Обычно Матвей выбирал демократичные бары недалеко от дома. Благо в его районе их имелось достаточное количество.

В «Хрусталь» Абрамов не собирался: шумно и пафосно. Клуб когда-то считался лучшим в городе и входил в ТОП-10 самых модных заведений России. Но за годы существования он подустал. Открылось много других мест, более прогрессивных. И в «Хрусталь» теперь пускали не только элиту, а каждого более-менее прилично одетого гражданина, способного заплатить за вход. Публика сменилась, как хозяин и персонал. А понты остались: претензии на шик и эксклюзивность. По старой памяти «Хрусталь» все еще считался лучшим заведением в городе.

Опрокинув в себя виски, Абрамов вернулся к стойке, чтобы налить еще. В клубе было море зеркал, и куда ни повернешь, везде увидишь свою физиономию. Поэтому, наполняя стакан, Матвей наблюдал себя с разных сторон. И со всех он выглядел плохо.

Абрамову стукнуло тридцать пять. Солидные тети называли его «молодым человеком», а бабушки «парнем». Но Матвей знал, что выглядит старше своих лет. В первую очередь из-за серьезного лица. Но и частые возлияния даром не прошли. За последний год он заметно постарел. Хорошо, что волосы на месте и пуза нет, а то давали бы ему сорок два, не меньше. В принципе, Матвею было на это плевать, но иногда хотелось нравиться женщинам. А они, как узнавали, сколько ему лет, если не говорили, то явно думали: «Вот тебя жизнь потрепала...»

А она его трепала! Но не будешь же об этом рассказывать первой встречной... Второй и третьей тоже. Единственной — да. Чтобы знала, с кем будет иметь дело. Но Абрамов не надеялся ее встретить. На своем «долго и счастливо» он поставил крест. Была у него одна... С которой он не то чтобы мечтал, а даже планировал умереть в один день... И что же? Она бросила его после шести лет брака... Не ушла, а именно бросила. Пока он лежал в больнице, собрала вещи, свои и двухлетней дочери Настеньки, взяла все имеющиеся в доме деньги и ценные вещи и уехала в неизвестном направлении.

Объявилась спустя четыре месяца. Хотела вернуться, валялась в ногах. И Матвей принял бы ее... Ради дочери. Только ее не стало. Не уследила жена

за ней. Ребенок выпил средство для чистки унитаза. Зеленое. Она обожала «Тархун», но ей редко его позволяли из-за аллергии, а тут увидела жидкость такого же цвета и глотнула...

Не спасли девочку.

Тогда Матвей впервые поднял руку на женщину. Исхлестал жену по щекам и пинками выгнал за порог.

Вспомнив о смерти дочери, Абрамов ощутил острую боль в руке. С ней он лежал в больнице, когда жена ушла. Из-за нее подсел на таблетки. В нее как будто отдавалась вся его душевная боль.

— Надо срочно выпить, — пробормотал Матвей и припал к стакану.

— Огоньку не найдется? — услышал он. Думал, это опять Денис-Даная его окликает, но нет. На сей раз перед Абрамовым стояла женщина. Чуть потасканная, но вполне презентабельная. Лицо подколото ботексом, яркий макияж, добротная, но слишком обтягивающая чуть поплывшее тело одежда: короткое платье и пиджачок под кожу змеи. Не проститутка, скорее, просто слабая на передок мадама. Такие в клубы похаживают, чтоб снять себе мужичка на ночь.

Абрамов достал из кармана джинсовой куртки пачку сигарет и протянул женщине.

— Не составите мне компанию? — спросила она и повела густо нарисованными (или вытатуированными?) бровями.

«Почему нет?» — подумал Матвей и кивнул.

Когда в заведениях запретили курить, в «Хрустале» открыли балконы, куда раньше не выпускали. Они маленькие, народ пьяный, мало ли кто свалится.

Но за несколько лет еще никто не пострадал. Зато все наслаждались видом набережной, Волгой, мигающими огнями, судами, мостами, панорамой верхней части города...

— Меня Златой зовут, — представилась барышня, когда они закурили.

— Матвей.

— Вы тут один?

— Ага.

— Как и я.

Он сделал две затяжки и потушил сигарету. Не нравился ему табак. Курить начал по той же причине, что и пить, — это отвлекало.

— Вы кем работаете, если не секрет? — задала очередной вопрос Злата. Никак не могла помолчать! А погода и панорама располагали.

— Волшебником, — хмыкнул Матвей. — И давай на «ты».

— А если серьезно?

Он перевел взгляд с баржи, медленно передвигающейся по Волге, на Злату. «Вот сколько тебе лет? — мысленно спросил он у нее и тут же ответил: — Сорок пять. Но может, ты, как и я, плохо сохранилась, и тогда тебе тридцать восемь. Все равно взрослая девочка. Значит, понимаешь, что твой вопрос неуместен. Надеешься, что я отвечу: «Топ-менеджер «Газпрома!»? Если да, то ты дура, потому что я тебе совру. Они тут бывают, конечно, но не бухают у стойки дешевый виски, а сидят в ВИП-ложах с «Кристаллом» в позолоченных ведрах...».

— Поиграем в «угадайку»? — предложил Матвей. — Кем я работаю, по твоему мнению?

Она несколько секунд смотрела на него сквозь дым сигареты. Затем выдала:

— Тренером.

— Почему именно им?

— Чувствуется, что спортом занимался, но давно. А командовать любишь, так что ушел на тренерскую. И кто-то из твоих подопечных добился успеха на международном уровне: на тебе американские джинсы и дорогие швейцарские часы.

— Ты почти угадала, молодец.

— А в чем ошиблась?

— В главном — я не тренер. Но спортом занимался. Джинсы мне сестра прислала из Портленда, она там живет. А часы сам купил.

— Так кем же ты работаешь?

— Я топ-менеджер «Газпрома», — ляпнул он.

— Тогда я королева английская, — хохотнула Злата и покинула балкон.

Матвей был немного раздосадован. Мадам уже начала ему нравиться. Вполне приятная внешне и не такая дура, какой пыталась показаться, Злата могла бы скрасить его ночь. Абрамов давно не спал с женщиной. Пару-тройку месяцев? Он уже не помнил. Одно время делал это строго раз в неделю. Считал, что для психического и физического здоровья регулярная половая жизнь необходима. Предпочитал профессионалок. Он — заплатил, они — отработали. И все довольны. А с этими «порядочными» одна морока. Танцы с бубнами вокруг них исполняешь, денег тратишь втрое больше, а они... трамвая ждут. Не такие, видите ли! А у него уже была «не такая». Жена. Скромница, за

которой Матвей долго ухаживал, а она ему рога наставила и бросила. Сбежала, как крыса, когда он тонул...

Абрамову срочно нужно было выпить — стакан залпом. Останется еще один. Больше он заказывать не будет, поедет домой. Если к тому времени Злата, она же королева английская, не покинет «Хрусталь», позовет ее с собой. У Матвея была отличная квартира с панорамным видом на город. Небольшая, но ему хоромы не требовались. Абрамов, имея комнату с просторной кроватью, спал в кухне-гостиной на диване. Дизайнерский ремонт, окна от пола до потолка, шикарный вид — от всего этого телочки перлились. И «не такие», и случайно снятые в том же «Хрустале», и заказанные в агентстве. С семьей Матвей жил в другой квартире, большой, уютной. Но продал после развода и купил эту. С тех пор прошло три года.

...Когда Абрамов шагнул с балкона в зал, то столкнулся с парнем — тощим, длинным, сплошь в лейблах. На кадыкастой шее татуировки-иероглифы. Зрачки расширены. Смех идиотский. Типичный представитель золотой, мать ее, молодежи.

— Дядь, ты давай поаккуратнее, — прогнусавил он и бесцеремонно отодвинул Абрамова в сторону.

Ему сразу захотелось выписать «племянничку» леща или пнуть под тощую задницу, но Матвей сдержался. Вернувшись к стойке, он налил себе виски и попробовал махнуть стакан залпом, как планировал, однако не вышло — алкоголь встал поперек горла. Кашляя, Матвей отправился в туалет на первом этаже. Спускаясь по лестнице, он чуть не упал — не столько из-за опьянения, сколько из-за выступив-

ших на глазах слез. На него тут же зыркнул охранник. Этим хлебом не корми, дай кого-нибудь выгнать из заведения. Особенно им нравилось, когда клиент сопротивляется и ему можно немного наподдать. Секьюрити в клубах получали немного, работали по дурацкому графику, поэтому многие устраивались лишь для того, чтобы ощутить свою власть. Хотя бы просто глянуть грозно, сделать замечание, а если повезет, применить силу.

Матвей скрылся в уборной, умылся. В очередной раз отметил, как ужасно выглядит, когда вытирал руки перед зеркалом. Но он не красная девица, чтобы из-за этого горевать и завязывать с алкоголем. Когда со здоровьем начнутся проблемы, тогда да, придется что-то делать. Кодироваться? Или на этот раз травки и иглоукалывания помогут? Он пока не знал.

Покинув уборную, Абрамов глянул на часы — те самые, на которые обратила внимание Злата. Он носил их три года, и они за это время начали отставать... На шесть секунд. Косяк. Должны идти без погрешностей.

Часы показывали час ночи. Веселье в клубе еще не началось, но Абрамов захотел уехать. Тем более виски в глотку уже не лез. Думая над тем, забирать недопитый или нет, он направился к лестнице, но снова столкнулся с тощим мажором. Тот рыгнул ему в лицо. Неспециально, скорее всего, но «дядя» Матвей разозлился и вlepил-таки парню леща. Тот заверещал так, будто ему Терминатор только что вырвал руку. На вопль кинулся охранник — Матвей уловил боковым зрением. Предусмотрительно поднявшись на пару ступенек и развернувшись, он стал наблюдать

за его приближением. Секьюрити, огромный детина с тыквообразной головой, играл мышцами и скорчил зверскую гримасу. Матвея тот позабавил, поэтому он решил покинуть «Хрусталь» без скандала.

— Шеф, расслабься, я ухожу, — спокойно сказал он подбежавшему охраннику. — Провожать не надо, где выход знаю.

— Хрен ты так просто уйдешь, — взвизгнул «племянник». — Паша, наваляй ему!

— Не советую тебе, Паша, это делать, — обратился к охраннику, имя которого только что узнал, Абрамов. Но тот уже был настроен на конфликт:

— А я не спрашиваю твоего совета, понял? В нашем заведении драчунам не место.

— Только дрочерам? Таким, как ты?

Паша выбросил огромный кулак (пожалуй, он был не меньше головы), чтобы впечатать его в физиономию Матвея, но тот уклонился. Прodelать это еще раз Абрамов вряд ли сможет. Охранник моложе, спортивнее, и он трезвый, то есть второй удар явно попадет в цель. Если он будет хорошо поставленным, то Матвей отправится в нокадаун и рухнет под ноги Паши.

Позор...

Чтобы такого не допустить, Абрамов решил выкинуть свой единственный козырь, но тут раздался крик. Громкий, пронзительный...

Если бы Матвей знал, что его вызвало, то сказал бы «душераздирающий», но он тогда не понимал, что происходит. И решил, что просто какая-то бабенка разбила бутылку дорогого алкоголя или налетела на зеркало, которое слишком четко отображало ее ре-

альную внешность, а то и искажало, например, полило.

Охранник тут же переключил внимание — напрыгся и повернул похожую на тыкву голову в сторону, откуда раздавался крик. Матвей пару секунд боролся с искушением, но не стал пользоваться моментом и бить Пашу. Вместо этого он прислушался: сначала это был скорее визг, но вскоре он сменился на ор, и пронзительная гласная, то ли «о», то ли «а» уступила место слову «боже». Оно повторялось и повторялось, пока не раздалось:

— Помогите!

— У вас там кто-то молится, — сказал Матвей охраннику. — Но один не справляется.

Павел пропустил его остроуту мимо ушей и бросился к туалетам, а Абрамов к выходу.

Его хата с краю, он ничего не знает...

Так бы и ушел, если бы женщина, которая орала, не выбежала в зал. У нее были окровавлены руки, капли с пальцев правой стекали на пол. И одежда ее была запачкана — красивое голубое платье и колготки телесного цвета, причем сзади. Очевидно, дама упала в кровавую лужу.

— Убили, — выдохнула она. — В туалете убили женщину! Вызывайте полицию.

Она опустилась на пол и начала рыдать.

К ней тут же бросились люди, но только не Абрамов. Он направился к туалету.

Охранник Пашка стоял в дверях и выглядел полным идиотом. До этого просто имел глуповатый вид, теперь же походил на умственно отсталого. Он хло-

пал глазами, глядя на труп женщины, и было похоже, что его сейчас вырвет. Грозный Пашка с пудовыми кулаками никогда не видел покойников, а Абрамов часто. Поэтому остался спокоен.

Женщину на самом деле убили, она не просто упала и разбила голову о раковину или кафельный пол. Ей проткнули шею, и она упала в лужу собственной крови. Вскоре туда же рухнула девушка в голубом платье, поэтому пятно было размазано. Но под головой оно оставалось нетронутым — густым и как будто маслянистым.

Тошнотворным...

И в нем плавало орудие преступления.

Абрамов хотел рассмотреть, что это, и сделал два шага вперед.

— Куда? — рыкнул на Матвея охранник, выйдя из ступора. — Сюда нельзя!

— Мне можно.

— Ты че, самый борзый?

— Типа того...

Он достал из кармана удостоверение майора МВД и представился:

— Следователь Абрамов.

Глава 2

Щемило сердце.

В последнее время тупая боль в груди стала верной спутницей Окси. Всему виной кофе и энергетические напитки, которые она поглощала, работая в ночном клубе «Хрусталь» диджеем. До этого девушка

трудилась там же барменом. Они все выпивают (исключения настолько редки, что их можно не считать) и держатся до утра на шотах текилы или водки. Окси тоже пила. Развести клиента на то, чтобы он угостил бармена, тоже являлось частью работы. Чем больше ты его продашь, тем выше будет твой заработок. А Окси в деньгах нуждалась. Но алкоголь отдавал в ноги, которые у нее были слабыми, в отличие от сердца. На него Окси раньше не жаловалась и перешла на коктейли с энергетиком, в которые лишь капала водку.

И все равно было тяжело. Работа бармена — не для Окси. Точнее, не для ее ног. Стоять всю ночь было невыносимо. Здоровые люди уставали, а уж она...

Окси получила сложную травму бедер при рождении. До двух с половиной лет не ходила, потому что ей поставили распорки, а в них она могла только лежать и сидеть. Когда их сняли, девочка начала ползать, и делала это превосходно. Но ее ставили на ноги, а ей было непривычно. А еще больно и неудобно. Но все же она научилась стоять, а вскоре пошла. В три года Окси уже твердо держалась на своих кривеньких ножках, худо-бедно бегала. Но ей хотелось попевать за остальными детками, а этого не получалось, поэтому она много падала и плакала не столько от боли, сколько от обиды. Она так старается, а у нее ничего не выходит!

В школе у Окси было освобождение от физкультуры, но она ходила на нее. Кроссы не сдавала, прыжки ей так же не давались, зато она отлично качала пресс и метала гранаты. В двенадцать лет занялась стрельбой из лука и получила первый юношеский

разряд, но связать себя со спортом не получилось. Нагрузка на позвоночник была слишком велика, и Оксисошла с дистанции. Занялась музыкой. Имея идеальный слух и упорство, она научилась играть на гитаре и губной гармошке. Некоторое время подрабатывала игрой на них, выступая на главной пешеходной улице города. Тогда ей было шестнадцать, Оксисучилась в десятом классе и уже четыре года, как копила деньги на исполнение своей мечты...

— Оксана Игоревна, — услышала она оклик и встряхнулась. Долой воспоминания! И на боль в грудной клетке нужно перестать обращать внимание, как-никак не в первый раз сердце щемит. — Вы готовы ответить на мои вопросы?

— Конечно, — кивнула бритой головой Оксис.

Ее, как и остальных, опрашивали приехавшие в «Хрусталь» менты. Тьфу, полицейские, конечно, поправила себя она.

— Вы знали погибшую женщину?

— Нет.

— Хотя бы в лицо?

Оксиснова качнула головой.

— Ее имя Злата. И она частенько заходила в ваш клуб.

— Может быть, — пожала плечами она.

На одном из них был набит портрет Ленина. Старшее поколение интересовалось, не коммунистка ли она. Младшее — что это за неизвестный дядя, не супергерой ли? Ответы Оксис неизменно различались. Она всегда придумывала что-то новое, а Ленина она набила просто так. Главное, не как у всех. Хотя и «как

у всех» у нее татуировки имелись: иероглифы, кельтские узоры, даже кошечка. Ее Окси собиралась свести.

— Злату многие из обслуживающего персонала знают, — продолжал давить на нее мент. Тьфу, полицейский. — А вы нет?

— Я диджей, а не бармен, официант или охранник. Я вижу посетителей из-за своей стойки... Точнее, не вижу. Они сливаются для меня в единую танцующую массу. Возможно, если бы я крутила музыку в какой-нибудь шашлычке и ко мне подходили бы посетители, чтобы за двести рублей заказать «Рюмку водки» или «Шальную императрицу», то да, я бы...

— Вы тут работали барменом когда-то, Оксана Игоревна, — оборвал ее мент. — Я вас помню.

Она взглянула на него. Как, бишь, зовут этого чувака? Он же представлялся... Или нет? Она не могла вспомнить, поэтому задала нейтральный вопрос:

— Вы бывали у нас?

— И не раз. И вы в баре «Голубой графин» стояли за стойкой. — В их заведении при прежнем хозяине все зоны имели названия. Сейчас уже нет.

Окси присмотрелась к полицейскому внимательнее. Бармены запоминают постоянных клиентов, и если он когда-то был завсегдаем клуба, то она уловит что-то знакомое в его внешности.

Итак, что мы имеем?

Заурядное, пусть и довольно симпатичное лицо. Небрежная прическа. Среднее телосложение. Абсолютно не за что зацепиться. И тут взгляд Окси скользнул на руки. Красивые, отметила она. Пальцы ровные, сильные, с аккуратными ногтями. Окси за-

вораживали красивые мужские руки, и эти она помнила. А так же часы — хорошие, швейцарские. На правой руке, потому что мужчина был левшой.

— Ваша фамилия Абрамов, — тут же вспомнила полицейского Окси. — Вы крышевали наш клуб.

— Что за лексикон, Оксана Игоревна, — цокнул языком тот. — Вы слишком молоды, чтобы знать такие устаревшие слова. Я однажды помог вашему бывшему хозяину решить одну проблему, и он был рад принимать меня у себя в гостях.

— Хорошо, как скажете. — Она чувствовала запах алкоголя, исходивший от Абрамова. — А вы опять к нам стали захаживать? Давно вас не было видно.

— Сегодня бес попутал. — Тот зевнул, забыв прикрыть рот рукой. — Так что, не знали вы покойную?

— Я же сказала, что нет.

— Тогда откуда она вас?.. — И он остро посмотрел на Окси, хотя глаза его были до этого момента мутными, сонно-пьяными. Точнее, казались таковыми.

— Она? Меня? Знала?

— Да. Охранник говорит, что Злата два раза подходила к стойке, но он ее отгонял. Тогда она сказала, что вы давние приятельницы и она просто хочет поздороваться.

— И что он?

— Велел ждать перерыва. Вы же делаете их?

— Конечно. Я же не в памперсах сижу. Мне нужно в туалет ходить.

— Напомню, что именно там нашли покойную.

— Персонал пользуется служебным. А вы мне еще раз покажите фото этой Златы, пожалуйста.

Абрамов достал телефон, дорогой, но не последней модели. Проведя пальцем по экрану, он вывел на него фото покойной. Женщина лежала на полу туалета в луже крови. Снимков было несколько, но Абрамов показал тот, на котором лицо крупным планом.

— Нет, я точно ее не знаю, — уверенно проговорила Окси.

— Злата, скорее всего, прибежала к помощи пластических хирургов. Что-то колола в лицо точно. Может, изменилась?

— По посмертным фото судить трудно.

— Согласен. Поэтому, как только мы выясним личность покойной, вызовем вас в Следственный комитет.

Боль в сердце из тупой переросла в острую. Пора менять работу. Уходить из клуба и устраиваться офис-менеджером. Сидеть себе за компом, являться домой в шесть вечера, заваливаться спать в десять. Скучно? Безусловно. Зато спокойно.

— Теперь я могу идти? — спросила Окси. У нее в сумке был валидол, и она собиралась сунуть его под язык.

Абрамов разрешил, молча указав на дверь.

Окси вышла в коридор. Там было уже гораздо меньше народу. Очевидно, многих уже отпустили.

Дойдя до раздевалки, Оксана схватила сумку и стала в ней рыться. За этим делом ее застала официантка Жукова Жанна, носящая прозвище Жужа.

— Что ищем? — спросила она, плюхнувшись в кресло и достав электронную сигарету. Вообще-то в

клубе нельзя было курить и их, но в ночь, когда произошло убийство, до этого никому нет дела.

— Таблетки.

— Ты разве употребляешь? — вскинула тщательно прорисованные брови Жанна.

— Дрянь — нет. А валидол да. — Окси нашла его наконец и выдавила одну на ладонь.

— Бабуля, — хмыкнула Жанна. — На пенсию пора.

— Уже о ней подумываю.

— Увольняться хочешь? — правильно поняла ее Жукова.

— Пора.

— И мне.

— Да ты тут работаешь всего три месяца.

— Четыре с половиной. Но уже начались проблемы с давлением, а мне, между прочим, только двадцать три.

— Ты же в администрации работала. Зачем ушла?

— Мне там платили двадцатку. А тут одних чаевых столько! Я ж красивая...

Да, не поспоришь. Жанна была настоящей куколкой. Правда, один раз Окси увидела ее без макияжа и не сразу узнала, но на работу Жужа всегда красилась.

Девушки помолчали. Окси посасывала таблетку, Жанна курила.

— Жалко тетку, да? — первой заговорила та. — Такая веселая была, энергичная.

— Я ее не знала.

— Разве? А она сказала мне сегодня, что вы...

— Приятельницы? — перебила ее Окси. — Она и Пашке-охраннику это же лягнула. Не знаю зачем.

— Признаться, я удивилась, когда услышала. Она же тебя гораздо старше, что у вас может быть общего?

— Тетка меня с кем-то перепутала.

— Тебя? С кем-то? — Жужа расхохоталась. — Ты лысая, татуированная девица с кольцом в носу.

— Сейчас много таких. А ты с ней часто общалась?

— Нет, раз всего. Сегодня. Она за столик не садилась никогда, всегда у стойки. Или на галерее тусила, мужичков высматривала. Ходила к нам их поднимать.

— Seriously?

— Я поэтому ее и заметила. Не так часто встретишь зрелую даму, откровенно подкатывающую к мужикам.

— Разве? А по-моему, они как раз сами всегда и подкатывают.

— Если компанией пришли. Нарезутся и давай официантов за задницы щупать. А покойная всегда была одна, выпивала в меру. Высматривала «жертву» и подходила знакомиться. Любила мужчин помоложе, но не малолеток. На красоту не велась. То есть тетенька адекватно оценивала свои возможности. И все равно ей отказывали. Тот же следователь Абрамов. Я видела, как Злата к нему подкатывала. Естественно, я тогда еще не знала, что он мент...

Жужа докурила, встала, чтобы открыть форточку для проветривания, и тут воскликнула:

— Слушай, а что, если она в мужиках разочаровалась и решила по девочкам пойти, вот к тебе и рвалась?

— Сколько раз тебе повторять, не лесба я, — сердито буркнула Окси.

— Но похожа.

— А ты похожа на эскортницу.

— Знаю, — спокойно отреагировала на это замечание Жужа. — Поэтому не удивляюсь тому, что ко мне вечно подкатывают папики.

Да, Жанне они проходу не давали. Она же мило им улыбалась, брала чаевые и уезжала домой к своему любимому мужу, работающему простым технологом на кондитерской фабрике.

В следующую секунду приоткрылась дверь, и кто-то крикнул в щель:

— Всех отпустили, можно домой ехать!

— Ты на чем? — спросила у Окси Жужа.

— На такси придется, транспорт еще не ходит, — ответила та. Обычно Оксана на первой маршрутке уезжала. Она не упускала возможности сэкономить. Да, в машине комфортнее, но можно полчаса потерпеть, зато истратить не триста рублей, а тридцать.

— А за мной Ленчик приедет.

— Машину купили?

— Подержанную. Решили, что в пятницу и субботу Ленчик будет по ночам таксовать, потом меня со

смены забирать. И ему за меня спокойнее, и лишняя денежка.

— А кто-то увольняться собирался, — со смешком напомнила Окси. Пока они болтали, она переобулась и накинула куртку.

— Поработаю пока. На Новый год, говорят, тут деньги чуть ли не с небес сыплются... Как в песне.

— Да. По праздникам и зарплата больше, и чаевые. — Окси взяла сумку и достала телефон, чтобы вызвать такси. — Ладненько, почапала я. Всего хорошего. Мужу привет.

Они распрощались, и Окси покинула «Хрусталь».

У дверей толпился персонал, все обсуждали происшествие. Полиция уже уехала, и «труповозка» тоже. Окси не хотела ни с кем говорить, поэтому, помахав всем, отошла за угол. Она и машину вызвала на другой адрес. А пока ждала ее, думала о Злате...

Своей НЕПРИЯТЕЛЬНИЦЕ.

Окси задрала голову. Из-за тучек выглядывала луна. Ярко горела Полярная звезда. Когда человек умирает, то, как считается, попадает на небеса...

Возможно. Но только не Злата. Ей место в аду.

Глава 3

Матвей опивался чаем. Выдул за час три большие кружки, в животе булькало, но хотелось еще...

— Ты как лось из анекдота, — со смехом проговорил коллега, опер Васек Голованов.

— Какого еще?..

— Лось с бодуна подходит к ручью, пьет. Тут охотник. Бабах ему в задницу из ружья. Тот дальше пьет. Мужик решил, что промазал, опять пальнул. Лось поднимает морду и говорит в пустоту: «Странно, пью, пью, а легче не становится...»

— Башка, от твоих шуток тоже, — проворчал Матвей.

Голованова они называли Башкой — не только из-за фамилии. Точнее, сначала из-за нее, но Голованов оказался таким башковитым, что все диву давались. Правда, работе это не очень помогало. Зато кроссворды Васек разгадывал за минуты, кубик Рубика собирал за секунды, знал ответы на все вопросы интеллектуальных викторин. В отличие от Шерлока Холмса, Васек держал в своей умной башке не только нужную информацию. Не умел «чистить» память. Или не хотел.

— Выпей водки, не мучайся, — дал совет Васек. — Нам еще работать и работать.

— А есть? — встрепенулся Матвей.

— Найдем.

— Нет, не надо. Вонять будет.

— От тебя и так перегаром разит. Жди, сейчас принесу. А сам пока вот на это посмотри. — Он положил на стол блокнотик в кожаном переплете. — В кармане пиджака жертвы наши.

Абрамов, натянув перчатки, раскрыл его, стал пролистывать. Кто сейчас носит с собой блокноты? В каждом телефоне есть записная книжка. Даже если Злата стихи, к примеру, сочиняла или фиксировала свои умные мысли по старой привычке на бумаге,

то зачем его в клуб брать? Не выложила блокнот, забыла?

Матвей мог бы дальше размышлять об этом, если бы не обнаружил, что все листы чисты: ни стихов, ни умных мыслей. Пустой блокнот. Абрамов потянулся к сумочке покойной — она уже была осмотрена, но ее содержимое еще не описано. В ней он поискал ручку. Ее не оказалось. А вот карандаш имелся — для глаз. И он затупился. Матвей поднес блокнот к настольной лампе и увидел, что один лист вырван, а на предыдущей странице небольшой мазок. Темно-серый. Такого цвета был карандаш. Выходит, Злата что-то записала на листе, вырвала его и кому-то отдала.

Абрамов низко склонился над страницей, следующей за вырванным листом. На ней остались вмятины, но неглубокие. Если бы надпись делалась ручкой, а не мягким косметическим карандашом, разобрать было бы легче. И все же Матвею удалось прочесть ее: «Позвони мне». Ниже номер телефона...

Ее номер! Телефон покойной не был запаролен, и Матвей позвонил с него себе.

Вот тайна и раскрыта. Злата записала номер, чтобы дать его какому-нибудь мужчине. Возможно, и Абрамову. Все просто...

Тем временем вернулся Башка с початой бутылкой водки. Ледяной, запотевшей. Где он такую раздобыл, Матвей не спросил и не стал гадать.

Васек налил ему водки. Сам пить отказался, хотя мог бы составить компанию и чисто символически пригубить. Опрокинув в себя половину стакана,

Матвей закусил пряником, после чего поведал коллеге историю с блокнотом.

— Надо мне тоже по клубам начать ходить, — выдал Васек, выслушав его.

— Странно слышать это заявление после того, как в одном из них мочканули женщину.

— На прошлой неделе мужика в супермаркете банкой краски по голове долбанули, и он умер, так мне что ж, теперь в магазины не ходить? — Башка тоже взял пряник и стал его с аппетитом уплетать, запивая остывшим чаем. — Я в «Хрустале» сегодня первый раз побывал. Шикарное место. А если там еще и дамочки сами подкатывают, так считай — райское. Эта Злата, правда, к тебе клеилась?

— Ага.

— Тогда у меня шансов еще больше.

— С чего бы? — хохотнул Матвей, на которого водка наконец подействовала.

— Я моложе тебя и обаятельнее.

Тут не поспоришь. Башке только двадцать восемь исполнилось, и обаяния ему было не занимать. Но оно было довольно своеобразным — действовало исключительно на бабушек. Они умилялись, глядя на его конопатые щечки, нос картошкой, улыбку от уха до уха и кучерявые волосы, называли «внучком». А с молодыми женщинами у Васька не ладилось. Они хотели с ним только дружить. Пару раз он смог выйти из «френд-зоны», но ненадолго. Утешившись с уютным Васей, барышни бросались на поиски новых козлов, сволочей и чудаков на букву «м».

Зазвонил внутренний телефон. Трубку взял Васек, а Матвей налил себе еще немного. В бутылке оставалась треть, но он решил, что хватит.

Когда он выпил, то услышал от Голованова следующее:

— Личность жертвы установлена. Включи комп, тебе скинули всю инфу.

Матвей открыл присланный файл, Васек склонился к его плечу, и они стали читать.

— Злата Эрнестовна Ортман, как красиво, — восхитился Башка.

— Разве? Цыганское имя и еврейская фамилия.

— Немецкая, — проявил свою башковитость Вася. — А имя Злата как раз имеет еврейские корни. Но оно было распространено в Литве, Польше...

— Вот нам сейчас это на фига? — рывкнул Абрамов. — Мы не на «Своей игре». Дальше смотрим. Год рождения... Хм... Надо же, как хорошо сохранилась. Я дал ей максимум сорок пять, а она уже шестой десяток разменяла.

— Судимостей нет, долгов тоже — все налоги уплачены. Просто образцово-показательная гражданка.

— Ни мужа, ни детей, ни братьев-сестер. Родители умерли. Одинокая. Не нравятся мне такие жертвы. Обычно это шкатулочки с двойным дном.

— Я бы даже сказал, китайская, с секретом. Там надо знать, какие части сдвинуть, чтобы ее открыть.

— Ты опять?

— Все, молчу. — Васек закрыл рот на воображаемую молнию.

Матвей отстранился от компьютера и набрал второго своего коллегу, Лаврика. Ему он передал телефон жертвы сразу после того, как определил номер, и все это время парень его изучал.

— Как дела? — спросил Абрамов.

— Просматриваю соцсети. Злата есть на всех сайтах знакомств и на «Фейсбуке».

— Ты позвонил кому-нибудь, чтобы сообщить о ее смерти? — рассердился Абрамов. Лаврик не так давно устроился, и с ним пока было сложно.

— Да.

— Кому?

— Лучшей подруге.

— Она так и была записана?

— Нет. Но с ней — Еленой Алешиной — покойная общалась чаще, чем с остальными. Я разбудил женщину, сообщил дурную новость и велел завтра явиться к тебе на допрос.

— Хорошо. А теперь посмотри список входящих звонков. От кого поступил последний?

— Пять сек... — повисла недолгая пауза. — От тебя.

— А до этого?

— Марина-работа. И было это в одиннадцать вечера. Следующий звонок уже твой.

— Смс жертва тоже перед смертью не получала?

— Неа.

— А в соцсетях?

— Блин, товарищ майор, вы слишком много от меня хотите, — запыхтел Лаврик. Он обратился к